

Голубева В. К. (Минск)
Реализация смыслоформирующей функции наречия
в поэтическом тексте

Набор функций и системообразующий потенциал каждой части речи непосредственно предопределяются ее лексико-грамматическими свойствами. Морфологическая аморфность наречий обуславливает специфику анализа данных лексем: при выявлении их смыслоформирующей функции основной акцент ставится на семантику и синтактику наречной лексемы, поскольку именно семантическое разнообразие наречий возмещает их «аморфологию» [8, с. 544] и во многом обеспечивает разнообразие синтаксических функций наречия в структуре предложения. В то же время влияние семантики на синтактику у наречий является не односторонним, а взаимонаправленным. Занимая различные синтаксические позиции,

одно и то же наречие может существенно варьироваться в семантическом плане.

Цель данной статьи – выявить контекстуальные условия, при которых наречие реализует смыслоформирующую функцию, т. е., вступая в тесные внутритекстовые связи с другими лексемами, изменяет их семантику и само испытывает «иррадиирующее влияние контекста» [6, с. 12].

Материал для нашего исследования мы выбирали из поэтических текстов Б. Ахмадулиной. Как известно, в поэтическом тексте – сложно организованной и тщательно упорядоченной структуре – синтагматическое взаимовлияние отдельных лексем оказывается особенно мощным и нередко приводит к значительной трансформации семантической структуры лексем.

Смыслоформирующая функция наречий в поэтическом тексте Б. Ахмадулиной проявляется весьма разнообразно. Характер реализации данной функции напрямую зависит от семантических отношений наречия с определяемым словом. В зависимости от того, согласуются ли семы наречия и другой лексемы, либо вступают в противоречие, выделяется семантическое согласование (избыточность) и семантическое рассогласование (в понимании В. Г. Гака, см. [4, с. 379–381]).

В первом случае наблюдается дублирование разными лексемами отдельных семантических множителей. Например: *Как **намертво** убитый / и прочный, точно лунный свет, / тебя он [герой] любит?!* В обоих компонентах данного глагольно-адвербиального сочетания присутствует сема ‘мертвый’. Однако наречие, утрачивая статус семантически избыточной лексемы, берет на себя роль усилителя причастной формы. Подчеркнуть и акцентировать семантику глагольной лексемы (‘полностью уничтожить огнем’) призвано и наречие в следующем стихотворном фрагменте: *Но в этом ли разгадка ремесла, / чьи правила: смертельный страх и доблесть, – / блеск бытия изжить, **спалить дотла** / и выгадать его бессмертный отблеск.* Или в контексте: *Так **щедро** август звёзды расточал – глагол *расточать* уже содержит сему ‘с особенной щедростью’, которая становится еще заметнее благодаря наречию *щедро*.*

Противоположное смысловой избыточности явление – семантическое рассогласование – также нередко встречается в поэтических текстах Б. Ахмадулиной. При этом между наречием и определяемым им глаголом возникает противоречие, однако совместимость определяемого и определяющего слов восстанавливается в контексте путем актуализации потенциальных сем и нейтрализации

нерелевантных в данном случае семантических множителей. Так, в строках: *Здесь [в комнате] совмещались стол и локоть, / тетрадь ждала карандаша / и, провозжая мимолетность, / **беспечно** мучилась душа* – объединяются наречие *беспечно* ('беззаботно, без тревоги, беспокойства') и глагол *мучиться*, в узусе обозначающий 'испытывать страдания, томиться, беспокоиться'. Однако нестандартное наречно-глагольное сочетание лексем позволяет Б. Ахмадулиной раскрыть свое понимание процесса поэтического творчества, когда напряженная работа по созиданию строки и строфы не тяготит, а приносит удовлетворение. В результате под влиянием наречия значение глагола *мучиться* изменяется и семантическое рассогласование переходит в согласование. Ср. показательные в этом плане строки Б. Ахмадулиной о М. Цветаевой: *[Клянусь] твоим печальным отдыхом в раю, / где нет тебе ни ремесла, ни муки...*

В поэтическом языке Б. Ахмадулиной семантически избыточные и «рассогласованные» сочетания, включающие наречия, образуют своего рода окказиональные очаги, которые в своей совокупности обеспечивают уникальность и неповторимость индивидуально-авторского стиля и мировосприятия поэта.

Выступая «семантическим оператором» [6, с. 12], наречие способно регулировать семантическую структуру многозначного слова, к которому оно примыкает. Особого внимания заслуживают случаи, когда наречие создает мерцание прямых и переносных значений в определяемой им лексеме. Так, в контексте: *Возрадуюсь началу шишек: / росткам **неопытно** зелёным* – под влиянием наречия прямое значение прилагательного (обозначает цвет) контаминируется с переносно-ассоциативным – 'очень юный, неопытный по молодости'. Так, благодаря наречию, созданный поэтом природный образ антропоморфизируется.

Другой контекст: *...В глубь тетради, словно в глубь лесов, / я безрассудно и **навечно** кану...* Сочетание *в глубь тетради*, называя конкретный локум, к которому направлено движение, эксплицирует семантический компонент глагола 'погрузиться во что-нибудь, скрыться куда-нибудь'. Наречие же *навечно*, имеющее обобщенно-временное значение, приоткрывает еще одну смысловую створку данного глагола. Наречная лексема подчеркивает связь с устойчивым оборотом *кануть в Лету* ('навсегда, бесследно забыться') и тем самым семантически обогащает глагол и весь поэтический контекст.

Присоединение наречия к определяемому слову вызывает и ряд других семантических трансформаций. Наречие способно выступать в качестве коннотативного оператора, усиливая или сглаживая

негативную оценочность определяемого слова, меняя знак лексемы с «плюса» на «минус», и наоборот. Например: *Мы были с ним [с ангелом-скульптурой] недалняя родня – / среди насмешек и неодобренья / он **нежно** передразнивал меня / значеньем губ и тщетностью паренья.* В данном случае наречие нейтрализует отрицательную сему глагола ‘представлять в смешном, комическом виде’ и выдвигает на первый план игровой момент глагольного действия. См. также пример с сочетанием *беспечно мучилась (душа)*. В другом же фрагменте текста: *...Толстый барельеф, / куда не львиный твой [здания], не родовитый вензель / **чванливо** привнесен и выпячен: «Эль ЭФ» – наречная лексема, выражающая яркую оценку, наоборот, «закрепляет» неодобрительный оттенок причастий *выпячен* и *привнесен* (в данном контексте передает искусственность предмета). Следующий контекст: *...Какой судьбою в нем [в ребенке, увидевшем смерть] взойдет отрава? / Отрадой – умертвить? Иль умереть? / Или **корыстно** почернеть от рабства? – демонстрирует, что наречие может усиливать пейоративность не только глагола, но всей глагольной группы.**

Наконец, наречия способны выражать авторскую иронию или градуировать степень ее экспликации. Ср.: *...Он [мальчик] / не виделся с моею тёзкой рыжей: / здесь род ее **прилежно** истреблён.* Или: *Но сколько же **ярко** цветущих коррозий... / смогли мы содейть за век наш короткий...* По словам А. Б. Есина, «ирония базируется на несоответствии между явлением и суждением о нем» [7, с. 46]. В приведенных контекстах положительная оценка, передаваемая наречиями *прилежно* и *ярко* (в сочетании с *цветущий*), отнесена к явно негативным ситуациям. В результате возникает коннотативная дисгармония лексем, приводящая к комическому восприятию образов.

Довольно часто в поэтических текстах Б. Ахмадулиной наблюдается обратный процесс, когда уже не наречие выявляет в определяемой им лексеме семантическую неоднозначность, а такая смысловая разновекторность наречного окружения контекстуально концентрируется в самой наречной лексеме. Смысловую емкость наречия демонстрирует следующий контекст: *Играя в смех, в иные времена, / нога ледок **любовно** расколола.* В данном случае наречие может быть истолковано как ‘осторожно, слегка’ либо ‘коклетливо, жеманно’ и др. Иногда собственно качественный признак наречия осложняется разного рода обстоятельственными оттенками значения. Ср.: 1) *Их [цветы] дарят **празднично** на память – наречие *празднично* может интерпретироваться в более конкретном плане (‘в честь праздника, по случаю праздника’ – временная характеристика действия) или обобщенно (‘торжественно’); 2) *Мой голос... / лукавящий на каждом**

«эль» / **невнятно** склонный к заиканью... – лексема *невнятно* совмещает признак предмета, выраженный посредством причастия *склонный* ('голос невнятный'), с причинным значением ('неизвестно почему склонный к заиканью').

Употребление наречий в слабой позиции – позиции семантического неразличения – приводит в отдельных случаях к наречной энантиосемии: ...*Всякий свет погас. / И только кот дремотно-зорким зраком / **разумно** тратил фосфора запас.* Данный контекст допускает прямо противоположные толкования наречной лексемы *разумно*: она может обозначать, с одной стороны, 'щедро расточая свет в темноте', с другой – 'бережно расходуя единственный источник света'.

Одним из факторов, которые обуславливают семантическую разновекторность наречия в контексте, является формальное или смысловое отнесение наречия к нескольким лексемам. Например: ...*Рыбья немота / не есть ли крик, неслышимый, но зримый, / **оранжево запёкшийся** у рта.* В данном случае, несмотря на грамматическую зависимость наречия от одной причастной формы (*запёкшийся*), наречная лексема семантически коррелирует с обоими причастиями – *запёкшийся* и *зримый*. В результате каждая из данных глагольных форм акцентирует в наречии разные семантические доли. Обозначая цвет, причем яркий, бросающийся в глаза, наречие согласуется по смыслу с причастием *зримый*. Под влиянием же причастия *запёкшийся* у наречия появляется контекстуальная сема 'степень проявления признака' (по ассоциации со степенью готовности чего-либо) – ср.: *сильно запёкшийся; запёкшийся до того, что стал оранжевым.*

Как видно, наречие, первичным и основным категориальным значением которого является признак признака, становится удобным языковым средством передачи «межчувственных сопоставлений» [5]. Поэтому введение в поэтический текст наречия в ряде случаев приводит к созданию синестетического образа, как, например, в следующем контексте: *День октября шестнадцатый столь тёпел, / жара в окне столь **приторно желта**, / что бабочка... / смерть прервала для краткого житья.* Двусенсорный образ возникает в результате метафорического ассоциативного осмысления наречия: через обозначение вкуса передается оттенок цвета, степень его насыщенности ('слишком насыщенно, чрезмерно ярко'). Более того, наречная лексема сигнализирует о субъективном восприятии ситуации, так как подчеркивает непривычность адъективного признака *желтый* для конкретного субъекта (лирической героини) в определенный временной период (в октябре, когда краски в природе уже не яркие, а более

приглушенные). Так, эмоция служит «посредником» в процессе «удвоения» сенсорной чувственности», а «концентрация разных форм чувственного в синестетической метафоре» отвечает требованию искусства представлять человеческое восприятие мира не в разрозненности впечатлений, а в их гармонической целостности [5].

Усложнение семантической структуры наречия может возникать и в ситуации контекстуального столкновения его с другим наречием. Например: *А я иду (сначала боком), – / о, поскорей бы, поскорей! – / над темным холодом, над бойким / озябшим ходом пещарей.* В данном контексте в наречии *боком* к семе, указывающей на способ совершения действия, добавляется потенциальная сема 'скорость протекания действия'. Это осуществляется за счет имплицитного противопоставления разной скорости движения лирической героини над пропастью. При относительно медленном передвижении его характер оказывается значимым и заметным; с ускорением движения акцент переносится на скорость осуществления действия.

Нередко смыслопорождающий потенциал наречий не ограничивается рамками одного поэтического текста. Лирика Б. Ахмадулиной полна явными и скрытыми отсылками к имплицитной (подтекстовой / затекстовой) информации широкого культурологического плана. Так, в контексте: *[Для зрачка] всегда целебен круглый купол, / спасительно простой и скромно золотой* – интерпретировать наречный признак и, следовательно, устранить семантическое несоответствие лексем *скромно* и *золотой* позволяет привлечение сведений о технике золочения куполов на Руси. Вероятно, поэт называет купола *скромно золотыми*, так как лишь их поверхность покрывалась тончайшим слоем сусального золота.

В некоторых случаях наречие позволяет Б. Ахмадулиной приоткрыть тайны своего поэтического мастерства. В следующих строках: *Разве я ее [грозы] сплетник и враг, / чтобы, пристально выследив, наспех, / величавые лес и овраг / обсуждал фамильярный анапест?* – наречие *наспех* обеспечивает выход к затекстовой литературоведческой информации, так как выявляет специфику анапеста – стихотворного размера, который характеризуется стремительностью и напряженностью в связи с конечным положением ударного слога [1].

Наречные лексемы способны эксплицировать не только авторефлексию поэта. С их помощью Б. Ахмадулина также устанавливает интертекстуальный диалог с классиками и современниками, выходит к прецедентным текстам. Так, в поэтических строках: *Чего он [Блок] ожидал от века, / где всё – надрыв и всё – навзрыд?* – наречие *навзрыд* в силу своей яркой образности дает

выразительную характеристику всей эпохе и явно отсылает к широко известным строкам Б. Пастернака: *Февраль. Достать чернил и плакать. / Писать о феврале навзрыд. / <...> / И чем случайней, тем вернее, / слагаются стихи навзрыд.*

Иногда интертекстуальная переключка носит не столь явный характер. В стихотворении Б. Ахмадулиной «Памяти Бориса Пастернака» находим строки: *Вот так играть свою игру – шутя! / всерьез! до слёз! навеки! не лукавя! – / как он играл...* Ряд однородных наречий и лексем в наречной функции «заражает» своей стремительностью и эмоциональным настроем, более того, он напоминает фрагмент текста самого Б. Пастернака, в котором выражается желание лирического героя «жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытья...»

Таким образом, смыслопорождающий потенциал наречий реализуется в разных направлениях. Он ярко проявляется в случаях семантической избыточности и семантического рассогласования наречия с иными лексемами. В условиях тесной взаимосвязи слов в поэтическом контексте наречие играет немаловажную роль при формировании семантической структуры лексем. Наречие способно 1) актуализировать одни и нейтрализовать другие семы связанных с ним слов; 2) обеспечивать контаминацию прямых и переносных значений главных компонентов наречного словосочетания; 3) выступать в качестве коннотативного оператора лексем. В то же время наречие само способно испытывать влияние контекстуальных условий, в результате чего возникает целый спектр ассоциативных смыслов, которые служат источником образности и выразительности поэтического текста.

1. Анапест // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-0501.htm>. Режим доступа: 15.02.2013.

2. Ахмадулина Б. А. Сочинения: в 3 т. / Сост. Б. Мессерера.– М.: ПАН, 1997.

3. Ахмадулина Б. А. Стихотворения / Сост. Б. Мессерер, Т. Алешка; авт. предисл. и коммент. Т. Алешка.– М.: Эксмо, 2008.– 480 с.

4. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. 1971.– М.: Наука, 1972.– С. 367–395.

5. Галеев Б. М. Синестезия в мире метафор. Электронный ресурс: http://synesthesia.prometheus.kai.ru/sinmet_r.htm#17. Режим доступа: 16.02.2013.

6. Давыдкина Н. А. Наречия с семантикой незначительности признака: семантический, грамматический и прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01.– М., 2005.– 16 с.
7. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие.– 3-е изд.– М.: Флинта, Наука, 2000.– 248 с.
8. Морфология современного русского языка: учеб. для высших учеб. завед. Российской Федерации / [С. И. Богданов и др.]– СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.– 671 с.
9. Пастернак Б. Л. Избранные сочинения / Сост. и коммент. Е. В. Пастернак.– М.: РИПОЛ классик, 1998.– 864 с.